

# Равнодушию — заслон!

ЗАМЕТКИ  
С ПАРТИЙНОГО  
СОБРАНИЯ

ТРИ года назад в редакцию «Правды» один из читателей написал письмо. Оно рекомендовалось инженеру Горючевым, живущему по-прежнему на Сахалине.

— В отпуск я всегда приезжаю в Ленинград и атакую ленинградские театры. Особенно люблю пушкинский. В этот приезд я посетил «Оптимистическую трагедию», «Прозовый год», «На дне». Замечательные спектакли, не правда ли? Конечно, поэтому я вам и звоню. Мне интересно, были ли рецензии на эти спектакли?

В этом году мы получили письмо от нашего старого знакомого:

«Товарищи! — писал он. — Что же это такое произошло с моим любимым театром? На этот раз я его не узнал. Вы, наверное, видели спектакли «Двенадцатый час», «Весенние скрипки»? По-моему, это очень слабо. Чуть лучше мне показалась «Бегущая по волнам», потому что на сцене молодые актеры. Ответьте мне: что случилось с театром?»

Да, горькие суждения инженера Горючева, к сожалению, верны. Один из лучших театров города, страны теряет свое лицо, былую славу. Его спектакли, выпущенные в течение прошлого сезона, перестали радовать зрителей, в его зале, обычно переполненном до отказа, начали пустовать места.

Репертуар — зеркало деятельности любого театрального коллектива. Хорошие спектакли активно воздействуют на зрителя, делают его духовно богаче. Много ли таких спектаклей показал коллектив театра за прошедший сезон? Увы, всего один. Это — «Суровое счастье» В. Михайлова. Остальные три работы театра вполне справедливо оценены автором письма.

Чем обогатил зрителей, например, спектакль «Двенадцатый час», где, кроме добросовестного изображения быта лизинаев накануне их закономерной гибели, ничего иного нет?

Только равнодушием к интересам зрителя, вялостью коллективной творческой мысли можно объяснить и включение в репертуар пьесы А. Штейна «Весенние скрипки». В свое время театр хорошо сделал, поставив публицистическую пьесу того же автора «Персональное дело». Но коллектив сумел верно разобраться в глубоких противоречиях другой пьесы А. Штейна — «Гостиница «Астория» и отказался от нее. Куда же девались принципиальность и принципиальность работников театра, его литературной части (заведующая М. Ласкина), когда зашла речь о спорном, слабом произведении «Весенние скрипки»?

У театра нет четкого репертуарного плана. Много раз партийное бюро (секретарь заслуженный артист РСФСР А. Ян) обсуждало список намеченных к постановке пьес, каждый раз в новых вариантах. И больше половины из них так и не увидели света. В течение 7—8 лет «носятся в воздухе» идея трехлетнего плана по классике. А фактически в афише Академического театра нет новых названий русских классических пьес. И даже к знаменательным датам — чеховскому и толстовскому юбилеям — ничего нового не подготовил Академический театр.

Театр — искусство коллективное. И если инертность начинает ощущаться в одной части театральной

организации, творческая вялость и самоуспокоенность начинают сковывать и другие его участки.

Не блестящие обстоит дело в театре с режиссурой. Не потому что здесь нет опытных мастеров. Здесь имеются квалифицированные режиссеры — А. Даусон, Р. Суслович, заслуженный деятель искусств А. Музыль, приобретающий опыт режиссер Р. Агамирзян; ими руководят крупные мастера режиссуры и педагоги народный артист СССР Л. Вильев. Но в их работе отсутствуют творческая коллегиальность, дружеская взаимопомощь. Все они работают разобщенно, не ощущая «люксов» товарища, не чувствуя, что они участвуют в большом общем деле.

Шесть лет назад пришел в коллектив молодой режиссер Ю. Дубравин. Казалось бы, срок достаточный для становления художника. Но это время не оставило следа в творческой судьбе режиссера. Он ничего не делал все годы. И только в прошлом сезоне получил работу над пьесой «Весенние скрипки». Спектакль сняли, а режиссер, потерпев неудачу, ушел из театра.

Еще показательнее пример с А. Чекаевским, актером, обнаружившим вкус и тяготение к режиссуре. Вместе с большой группой молодежи он загорелся мыслью инсценировать и поставить роман А. Грина «Бегущая по волнам». Урывками, в случайных помещениях репетировали эту пьесу, затем показали его руководству и старшим товарищам. Профессиональные недостатки этой работы бросались в глаза: рыхлость инсценировки, отсутствие четкой сквозной мысли, внешние попятный романтизм. Инициативу Чекаевского и молодежи, конечно, следовало бы всячески поддержать и помочь им улучшить спектакль. Однако, как выяснилось на партийном собрании, никто открыто своего мнения Чекаевскому не сказал, а спектакль, чтобы спасти ладан, в таком виде и был включен в основной репертуар театра.

Пожалуй, нет в театре проблемы более острой, чем комплектование и загрузка труппы. Дело это отнюдь не организационное, оно теснейшим образом связано с творчеством, с ростом художественного мастерства коллектива.

Труппа насчитывает свыше 100 человек. Однако немногие из актеров довели своей творческой жизнью в этом и прошлом сезонах. Когда начинаешь вспоминать, что нового сыграли за последнее время народные артисты РСФСР Б. Жуковский, В. Воронов, заслуженные артисты Е. Медведева, Г. Самойлов, А. Киреев, А. Дубенский, досадно становится за этих больших мастеров, за то, что годы их творческой яркости уходят без настоящих, интересных работ.

В спектаклях текущего репертуара занято не более трех десятков актеров, а 70 процентов труппы фактически выключены из творческой жизни театра.

Перебираем имена актеров среднего и молодого поколения и испытываем такое же чувство горечи: кто из них вырос, выдвинулся за последние два—три года?

Не чувствуется в театре настоящей заинтересованности в том, чтобы каждый актер рос от роли к роли, настоящего желания экспериментировать, использовать все возможности труппы.

Почти десять лет работает в театре выпускница Ленинградского театрального института М. Федорова. Она сыграла за все это время лишь несколько второстепенных ролей. Уходит из труппы молодой одаренный актер Ю. Панич. Незавидно сложилась его творческая биография в театре. Как только улеглись восторги дебюта, об актере забыли. Он выступал случайным дублером, почти не играя в новых спектаклях.

А между тем, если бы в каждый спектакль продуманно вводили вторых исполнителей, помогая им найти свое решение образа, как бы это благотворно сказалось на творческом росте коллектива, на более равномерной нагрузке всей труппы. Во многом бы выиграли и зрители, ибо руководству не пришлось бы всегда постоянно заменять спектакли из-за болезни основных исполнителей.

Прошлой весной дирекция предложила желающим подать заявки на роль текущего репертуара для выступления в качестве дублеров. Это вызвало большое оживление в труппе. Актеры советовали друг с другом, писали заявления.

— Да-да, мы читали, — говорили члены художественного совета, — на днях, голубчик, обсудим. Подожди.

Шли дни, неделя, месяцы...

Актеры продолжали искать выход. Конечно, наиболее разумным было бы увеличение выпуска новых спектаклей. Актеры готовили впечатляющую постановку. Их можно было бы готовить и больше, но дело осложняется возрастным составом труппы: свыше 70 лет — двое актеров, от 60 до 70 — девять, от 50 до 60 — тридцать девять, от 40 до 50 — двадцать один, от 30 до 40 — двадцать два, от 25 до 30 — только десять. В труппе не хватает молодых героев. Но дирекцию это волнует мало.

Не развито в труппе чувство личной ответственности за общее дело, зато много примеров актерского эгоизма, пренебрежения. Причина все та же: незаинтересованное отношение к судьбе актера, к его творческому росту.

Молодому артисту дают центральную роль. Одну, другую, третью... Он их играет, ему аплодируют, подносят букеты, его хвалят учителя и знакомые, отмечает печать. Его начинают узнавать на улицах... И случается так: с профессиональной точки зрения, актер как будто бы подготовлен к тому, чтобы занять в труппе ведущее положение, а вот психологически, морально он еще к этому не готов. И тогда он заболевает опаснейшей болезнью: начинает ценить прежде всего не творчество, а, так сказать, побочные продукты творчества — аплодисменты, комплименты, славу. Его влекут уже не большие цели искусства, а свой маленький личный успех. Он

начинает смотреть на сцену как на средство показать себя, появляется перед публикой в многочисленных концертах, записывается на радио, уныбается с экрана. Работа в театре отходит на второй план.

Если на заводе рабочий станет относиться к своему делу спустя рукава, выпускать брак, его вызовут на партийное бюро или в профсоюзную организацию, он увидит осуждающие взгляды товарищей, услышит слова резкой критики. Короче говоря, его предостерегут, помогут. А почему же руководств и коллектив Театра имени Пушкина равнодушно смотрели на то, скажем, как нужные театру талантливые актеры — В. Медведев, Ю. Родионов и другие постоянно заняты в многочисленных концертах и съемках? Дело, должно быть, то, что некоторые не рассчитав своих сил, в самый разгар сезона не смогли играть, им потребовался отдых. И ни руководств, ни художественный совет, ни партийная организация театра в свое время не остановили их.

Надо сказать, что у партийного бюро Театра имени А. С. Пушкина есть свои сложившиеся традиции работы — живой, инициативной и плодотворной. Коммунисты театра сумели вдохнуть, что называется, живую душу в партийную учебку театра. Много лет с большим увлечением занимаются коммунисты и беспартийные в кружках и семинарах. Партийная учеба и теперь является в какой-то мере гордостью партийной организации. Но между теорией и практикой — явный разрыв. Днем на лекциях и семинарах актеры увлечены и охотно беседуют во время перерывов, а по вечерам выступают в спектаклях, которые порой далеки от образцов подлинного, высокого искусства. И в выборе этих произведений коммунисты также не смогли своевременно сказать своего восторженного слова.

Ни один живой творческий коллектив не застрахован от отдельных поражений и срывов. Путь художника, путь театра — это отнюдь не гладкое и ровное восхождение к вершинам. Смелые творческие искания всегда чреваты неожиданностями. Но трудная полоса, которую переживает сейчас коллектив, вызвана, к сожалению, причинами совсем иными, нежели временные неудачи на пути смелых исканий. Болезни, развращающие сейчас театр, — равнодушие, самоуспокоенность, холодный академизм, который, как известно, является злейшим врагом живого, страстного искусства, — привели коллектив в состояние творческого застоя.

Обо всем этом состоялся недавно открытый и нелинейный разговор на отчетно-выборном партийном собрании театра. Горячо обсуждали коммунисты многие вопросы как творческой, так и организационной стороны жизни коллектива. И то, с какой принципиальностью оценивали они состояние репертуара и положение, сложившееся в труппе, позволяло надеяться, что скоро мы будем свидетелями нового творческого подъема театра.

К. КЛЮЕВСКАЯ  
О. ПЕРСИДСКАЯ